

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИЗ ИСТОРИИ
СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ
ИДЕЙ

Сборник статей

К СЕМИДЕСЯТИПЯТИЛЕТИЮ
АКАДЕМИКА
ВЯЧЕСЛАВА ПЕТРОВИЧА
ВОЛГИНА

Веб-публикация:
Vive Liberta и Век Просвещения, 2010-2013

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР
Москва 1955

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Торжественное заседание	5
Академик А. Н. Несмеянов. Речь на чествовании академика В. П. Волгина . . .	11
Член-корр. АН СССР С. Д. Сказкин. Научная и общественная деятельность академика В. П. Волгина	14
Библиография трудов академика В. П. Волгина	22
А. В. Кольцов. Перестройка деятельности Академии наук СССР в 1930—1934 гг.	36
—	
С. Л. Утченко. Проблема кризиса полиса в античной идеологии	49
Н. И. Голубцова. Идеологическая борьба в Риме на рубеже IV—V вв.	59
Член-корр. АН СССР Н. И. Конрад. «Средние века» в исторической науке . . .	76
Член-корр. АН СССР Н. В. Пигулевская. Идея равенства в учении маздакитов .	97
А. И. Неусыхин. Крестьянство и крестьянские движения в Западной Европе раннефеодального периода (VI—IX вв.)	102
Член-корр. АН СССР С. Д. Сказкин. Первое послание Дольчино	122
Член-корр. АН СССР В. Н. Лазарев. Проблема Возрождения в освещении ренессансных писателей и «просветителей»	130
М. М. Смирин. К вопросу о характере Великой крестьянской войны в Германии	141
Ф. А. Коган-Бернштейн. Борьба за национальный язык во французском гуманизме	156
К. Р. Симон. «Энциклопедия, разделенная на семь частей» Иоганна-Генриха Альштеда (1630 г.)	171
Академик М. Н. Тихомиров. Псковские повести о крестьянской войне в России начала XVII в.	181
В. Ф. Семенов. Восстание на севере Англии 1569—1570 гг.	190
Член-корр. АН СССР С. И. Архангельский. Движение крестьянской бедноты в графстве Норсемптон в первой половине XVII в.	205
Б. Ф. Поршнев. Народные истоки мировоззрения Жана Мелье	✓213
С. С. Сафронов. Политические и социальные идеи Мабли	✓238
Б. Г. Кузнецов. Ранние работы М. В. Ломоносова и общий характер научного мировоззрения XVIII в.	265
Академик А. М. Деборин. Социально-политическая доктрина физиократов . . .	283
В. С. Алексеев-Попов. «Социальный кружок» и его политические и социальные требования (1790—1791 гг.)	299
М. М. Штранге. Отклики русских современников на события французской буржуазной революции 1789—1794 гг.	340
Ю. Я. Мошковская. Мировоззрение немецкого революционера XVIII в. Георга Форстера	353
И. С. Миллер. Воззвание Францишка Гожковского	365
Член-корр. АН СССР М. В. Нечкина. Декабристская «утопия»	376
М. А. Алпатов. Французские утопические социалисты и буржуазная теория классовой борьбы XIX в.	385
Е. Б. Черняк. Революционное движение в Англии в 1820 г.	413
К. Э. Кирова. Концепция итальянской революции в ранних работах Мадзини	432
Н. А. Ерофеев. Исторические взгляды чартиста О'Брайена	452
В. М. Лавровский. Русские революционные демократы о чартистском движении в Англии	466

И. А. Бок. Новые данные о пребывании Маркса и Энгельса в Лондоне в августе 1845 г.	479
Г. М. Ойзерман. К характеристике борьбы Маркса и Энгельса против воззрений К. Гейнана	483
И. Е. Зислингер. Об оценке Прудона и прудонизма в «Коммунистическом Манифесте»	491
А. М. Малик. Из исторических документов июньского восстания парижских рабочих	519
Р. А. Азарбух. Герцен и Чернышевский о борьбе немецкого народа за независимость в 1848—1849 гг.	529
С. Б. Кот. Начало марксистско-бухаринской историографии германской революции 1848—1849 гг.	537
И. И. Замберфорд. Компарсистско значимая фигура	548
Член-корр. АН СССР Ф. В. Волгин. К вопросу о положении рабочего класса во Франции в последний период промышленного переворота (50—60-е годы XIX в.)	570
Э. А. Дюбуазиак. Из истории рабочего и социалистического движения во Франции в 1848—1870 гг.	601
А. Э. Манфред. Французское революционное движение после Парижской Коммуны и Н. Г. Чернышевский	633
Б. Г. Дюбер. Первое русское исследование французской буржуазной революции XVIII в.	643
Б. П. Кольман. Социально-политические и философские взгляды В. И. Танеева (Из истории утопического социализма в России)	664
Э. К. Эзлерг. Даниель де-Леон — идеолог анархо-синдикализма в американском рабочем движении	674
Член-корр. АН СССР Е. М. Жуков. Предсмертное письмо Котоку Дэндзиро (Из истории социалистической мысли в Японии)	690
Академик А. М. Панкратова. Пропаганда идей социализма среди рабочих России в 70—80-х годах XIX в.	702
Академик И. И. Минц. Перемещение центра мирового революционного движения с Запада в Россию	738

Посвященное академику В. П. Волгину исследование академика В. В. Струве об исторических надписях шумерского реформатора Урукагины не смогло быть включено по причине большого объема в данное издание и будет опубликовано в «Вестнике древней истории».

Статьи из сборника и тематически связанные материалы
Вы можете найти в нашей библиотеке:
<http://istmat.info/vive-liberta>

Наталья Ивановна Голубцова

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ БОРЬБА В РИМЕ НА РУБЕЖЕ IV—V вв.

Изучение системы идей и представлений, получивших распространение в Западной Римской империи в последний период ее существования, имеет большое значение для исторической науки. Экономический и политический кризис рабовладельческой формации сопровождался кризисом старой идеологии господствующего класса. Это привело в конечном счете к крушению Западной Римской империи и расчистило путь для становления нового, более прогрессивного способа производства и соответствующей ему новой идеологии.

В конце IV — начале V в. положение Западной Римской империи было крайне тяжелым. Движения трудящихся масс, вызванные жесточайшей эксплуатацией, не прекращались. Багауды — в Галлии, циркумцелионы — в Африке с новым упорством возобновили борьбу. Народные волнения были опасны для имущих слоев населения не только потому, что рабы и колонны продолжали выступать совместно, но и потому, что именно в это время обездоленные массы находят в «варварах» нового союзника в борьбе с Римским государством. Восставшие неоднократно оказывали поддержку «варварам», вторгавшимся в пределы империи.

Таким образом, существованию Римского государства, превратившегося, по словам Энгельса, «...в гигантскую сложную машину исключительно для высасывания соков из подданных...»¹, угрожали и народные волнения, и вторжения «варваров».

Посмотрим же, как в литературе конца IV — начала V в. отразилось отношение современников к происходящим событиям, каково было их настроение до и после разграбления Рима Аларихом, каким представлялось им настоящее и будущее Римского государства. Важно выяснить, какую цель преследовали идеи и теории того времени, отражавшие определенные социально-экономические явления.

Нужно отметить, что буржуазная наука не занимается этими вопросами. Многочисленные работы буржуазных историков, посвященные этому периоду римской истории, — мы имеем в виду не только авторов старшего поколения, но и авторов книг, вышедших на Западе на протяжении 1940—1950-х годов, — концентрируют свое внимание на стилистических особенностях произведений, времени их написания и содержании. Если в этих исследованиях и упоминается о «варварских» вторжениях и народных движениях, то их влияние на взгляды писателей конца IV — начала V в. не выясняется. Совсем не ставится вопрос об отношении римских авторов к настоящим и будущим судьбам своего государства, не вскрывается классовая сущность их взглядов.

¹ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, Госполитиздат, М., 1951, стр. 153.

Особого внимания современных буржуазных историков удостоился епископ Гиппона Аврелий Августин («Блаженный»); его взгляды представляются как верх достижения человеческой мысли. Ни в одном произведении этих историков нет ни слова о народных волнениях в Африке, которые дают ключ к пониманию реакционного мировоззрения Августина.

Многочисленные произведения, дошедшие до нас от интересующего нас периода, позволяють начертить направление и характер распространенных в конце IV—начале V в. идей и теорий. Особенно важны произведения Симмаха, Клавдиана, Рут依ия Наматианского, Синесия, Амвросия, Пруденция, Иеронима, Августина, Орозия. Сохранились произведения как языческих, так и христианских писателей. Однако в разделение римлян на язычников и христиан трудно внести социальное разграничение. И христианская и языческая литература обслуживала господствующие слои населения Италии и провинций. Основные идеи, пронизывающие и ту и другую литературу в это время, как мы увидим дальше, совпадают. В момент грозной опасности, перед лицом народных волнений и «варварских» вторжений, усилившихся в начале V в. до н. э., укрепляется союз всех имущих слоев населения Римской империи.

Одной из ведущих идей в произведениях поэтов и писателей конца IV—начала V в. является прославление Рима. Экономическое и политическое положение «вечного» города в это время было незавидным. Как известно, Рим «...превратился в провинциальный город, подобный другим, привилегированный, но уже не господствующий более, переставший быть центром мировой империи, утративший свое значение резиденции императоров и их наместников, которые жили теперь в Константинополе, Трире, Милане»¹. Однако Рим в это время продолжает привлекать к себе взоры и внимание жителей империи. Эта мысль пронизывает обширную переписку Симмаха.

Квинт Аврелий Симмах происходил из знатного и богатого рода. Он занимал высшие должности, был префектом Рима, а затем консулом. Симмах имел три больших дома в Риме, дом в Капуе, пятнадцать вилл, приносящие доход имения в Самниуме, Апулии, Сицилии и Мавритании. Рим для Симмаха попрежнему «глава империи»². Все его письма полны веры в вечное существование древнего города. Будучи префектом Рима в 384 г., Симмах заботился о благосостоянии города, о чем свидетельствуют более двухсот донесений императору. Он вполне доволен своим временем: «Мы живем в век благосклонный к добродетелям, когда талантливые люди должны жаловаться только на себя, если не получают положений, которых заслуживают»³. Во многих письмах Симмах прославляет свое время, свой век, называя его славным, доблестным, просвещенным⁴. Однако в письмах Симмаха встречаются также сведения и о тяжелом состоянии города Рима и Римского государства. Автор пишет, обращаясь к императору Валентиниану II: «Не видишь ли, отец, бедствий отечества, тяготеющих над нами: заразы, голода, варваров, где причины всех этих несчастий, если не в нечестии к богам»⁵. Для уничтожения бедствия Симмах предлагает восстановить старый языческий культ. Он полагает, что главной причиной поражения римской армии и вторжения готов в Италию является пренебрежение к божеству: забыли принести в жертву Юпитеру несколько быков. «Боги нашей родины, простите нашу преступную не-

¹ Ф. Энгельс Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр 153.

² Symm. Epist. IV, 28.

³ Symm. Epist. III, 43.

⁴ Symm. Epist. I, 40; IV, 67; IX, 1.

⁵ Symm. Laudatio in Valentiniani, II II, 7.

брежность!»¹ — восклицает Симмах. По мнению Симмаха, стоит только восстановить старый языческий культ и начать приносить жертвы римским богам, как опять наступят счастливые времена: «варвары» отступят, земля даст хороший урожай, болезни исчезнут.

Современник Симмаха Аммиан Марцеллин в своем крупном историческом труде «*Regum gestarum libri XXXI*» высказывает свои соображения относительно судьбы Рима и Римского государства. Аммиан Марцеллин, уроженец Антиохии на Оронте, происходил из знатной и богатой семьи. Он находился в дружеских отношениях с императором Юлианом, участвовал в его походах и был сторонником проводимой им политики. Аммиан Марцеллин на протяжении всего своего труда прославляет Рим, именуя город «вечным»², любясь его красотой³. Автор выражает уверенность в том, что «Риму суждено жить, пока будет существовать человечество»⁴, «жить во веки веков»⁵. Но Аммиан Марцеллин видел и понимал всю трудность создавшегося в Римском государстве положения. Он сообщает о «варварских» вторжениях, тяжелом положении провинциального населения, волнениях в Риме, налоговом гнете, развращенности знати, заговорах, убийствах⁶. Аммиан Марцеллин отметил также такой грозный факт, как присоединение к «варварам» рабов и колонов империи⁷, создание ими единого фронта в борьбе с Римом. Автор впадает в пессимизм, не находя выхода из тупика. Единственная его надежда на Рим, который, по его мнению, может и должен вернуть себе былое могущество. Но для того, чтобы «вечный город» вновь окреп и вернул себе былое величие, Аммиан Марцеллин не предлагает никаких мер, никаких социальных реформ. Можно лишь догадываться, что автор надеется на возвращение Риму его былого блеска после полного разгрома «варваров»⁸.

Нет ни одного произведения поэта Клавдиана, в котором не упоминался бы Рим. Клавдий Клавдиан, один из самых талантливых поэтов конца IV — начала V в., был уроженцем Александрии. В 395 г. он переселился в Рим и вскоре стал видным поэтом. Ему покровительствовал фактический правитель Западной Римской империи — вандал Стилихон и его жена Серена. Клавдиан занимал в Риме различные должности, принадлежал к коллегии «*tribuni et notarii*». Поэт с большой любовью относится к «вечному городу» и считает его естественной столицей империи. Нет предела ненависти и негодования автора в отношении соперничающего с Римом Константинополя, который отнял у Рима египетский хлеб. Клавдиан не скрывает, что Рим в настоящее время находится в тяжелом положении, но он надеется на то, что «вечный город» вновь возвратит свое былое могущество и его владычеству не будет конца⁹. Все надежды на возвращение Риму его мощи и славы Клавдиан возлагает на вандала Стилихона. Поэт уверен, что Стилихон сумеет нанести варварам сокрушительное поражение, покорить Константинополь и тем самым создаст условия для расцвета Рима и Римского государства.

Интересно отношение к Риму христианского поэта Пруденция, уроженца Испании, принадлежавшего к богатой семье и затем занимавшего видный пост при дворе. Пруденций в основных своих произведениях

¹ Symm. Epist. II, 7.

² Amm. Marc., XIV, 6, 1; XV, 7, 1.

³ Amm. Marc., XVI, 10, 13—17.

⁴ Amm. Marc., XIV, 6, 4.

⁵ Amm. Marc., XXVI, 1, 14.

⁶ Amm. Marc., XIV, 6; XV, 5, 7; XXI, 16—17; XXVI, 2, 4.

⁷ Amm. Marc., XXXI, 5, 6.

⁸ Amm. Marc., XVI, 12, 31.

⁹ Claud. De cons. Stil., III, 150.

неоднократно обращается к Риму и его истории. Он с восторгом говорит о величии и блеске «вечного города». «Трижды, четырежды, семикратно счастлив живущий в этом городе»¹, — восклицает поэт. Пруденций, как и Клавдиан, не сомневается в том, что Рим является центром мира. Важно отметить то обстоятельство, что христианская церковь меняет свое отношение к Риму именно в конце IV — начале V в. В предыдущие века все христианские писатели, как известно, относились к Риму и его господству резко отрицательно, называя город не иначе, как «вавилонской блудницей». Теперь положение изменилось: Рим христианскими писателями не только признается, но и прославляется. Христианская церковь присваивает себе античную идею Рима, мысль о выдающемся положении «вечного города» среди других городов и царств. Римского первосвященника (папу) церковь наделяет теперь всеми атрибутами власти и могущества. В произведениях Пруденция впервые открыто признаются христианами Рим и его господство.

Мысль о величии и несокрушимости Рима неразрывно связана с идеей объединения всех народов под властью «вечного города». Особенно ярко эта идея выражена у Клавдиана и Пруденция. Оба воспевают созданное Римом единство народов, преклоняются перед захватнической политикой Римского государства. Клавдиан благодарит Рим за все то, что он сделал для объединения различных народов. «Это мать, а не госпожа: она дала имя гражданам тем, кого подчинила: узами любви она соединила отдаленные пределы земли. Благодаря водворенному ей миру, иностранец всюду находит родину. Мы можем путешествовать, не опасаясь; для нас шутка посетить Фулу, проникнуть в самые отдаленные страны, пойти напиться по своему усмотрению из Роны или Оронта. Она соединила все народы в один»². Пруденций также воспекает и идеализирует насильственную римскую политику по отношению к другим народам. «Теперь, — говорит он, — во всей вселенной живут точно граждане одного города или родственники, занимающие один дом. Из самых отдаленных стран с противоположных берегов моря приходят к одному судилищу, подчиняются одним законам. Люди, чуждые друг другу по рождению, сходятся в одни места, привлекаемые торговлей и искусством; они заключают союзы и соединяются браками. Так происходит смешение крови и из многих племен образуется один народ»³. Симмах также ставит Риму в заслугу объединение под своей властью всего рода человеческого⁴.

Чем больше теснили Рим «варвары», чем шире разворачивалось революционное движение народных масс, чем тяжелее было положение в провинциях, тем сильнее звучали призывы к объединению вокруг Рима, исходящие от господствующих классов как Италии, так и провинций. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что мысль об объединении всех народов под властью Рима разрабатывается прежде всего выходцами из провинций (Клавдиан — из Александрии, Пруденций — из Испании). Распад и разброд, царившие в Римском государстве накануне вторжения Алариха в Рим, усиление народных движений, неизвестность и опасности побуждали имущие слои искать выход в объединении и сплочении вокруг Рима. Иной выход из положения не мыслился.

Очень важное место в литературе рассматриваемого периода занимает отношение к «варварам». Это отношение до события 410 г. было резко отрицательным, враждебным. Особенно отчетливо данные настроения

¹ Prudent. Peristeph., II, 529—530

² Claud. De cons. Stil., III, 152—159.

³ Prudent. Contra Symmach., II, 610—618.

⁴ Symm. Epist. IV, 28.

выражены у Аммиана Марцеллина и Пруденция. Все произведение Аммиана Марцеллина пропитано ненавистью к «варварам». Заслужено он считает прежде всего борьбу с «варварами». Он называет галлов, готов и сарматов не иначе, как дикими зверями, разбойниками, дерзкими грабителями, наглыми безумцами¹. Автор обрушивает на их головы тысячи проклятий и мечтает об их полном разгроме и уничтожении². Пруденций откровенно, цинично приравнивает «варваров» к ослам и свиньям. «Хотя дак, сармат, вандал, гунн, алеманн, сакс... и прочие,— говорит Пруденций,— ходят по одной и той же земле, что и мы, то же самое небо расстилается над всеми нами..., но и скоты пьют из того же источника, что и мы, та же роса увлажняет мои семена и корм осла, нечистая свинья купается в той же реке, что и мы... Но как высоко стоит ходящий на двух ногах над четвероногими или говорящий над бессловесными, как высоко стоит последователь истинной религии над тем, кто следует безумному культу и заблуждению,— так высоко стоит римлянин над варварами»³.

Особенно ярко антиварварские настроения выражены в произведениях Синесия. В этом отношении важна его речь «О царстве». Синесий, грек по происхождению, принадлежал к знатной семье и почти всю жизнь прожил в Киренаике. В 409 г. стал епископом. Он был подданным Византийской империи, но во всех своих произведениях Синесий обращался не к греческому прошлому. Все конкретные примеры и факты, которые он приводит, взяты автором из римской республиканской и императорской эпохи. Византийскую империю в конце IV в. до н. э. сильно теснили «варвары»; там наблюдалось, как и в Риме, резкое обострение классово-борьбы. Представителей господствующего класса как в Риме, так и в Византии тревожили одни и те же мысли, у них были одинаковые желания — подавить народные волнения, предотвратить «варварские» вторжения и не дать возможности рабам и колонам объединиться с «варварами». Жители Киренаики в конце IV в. находились в крайне затруднительном положении, так как постоянно подвергались нападениям «варваров» из глубины ливийских степей. Бедственное положение заставило имущие слои населения Киренаики отправить в Константинополь посольство с просьбой об облегчении податей и присылке войск для защиты от «варваров». В посольство 399 г. был избран и Синесий, который пробыл в Константинополе, повидимому, три года. Он составил и произнес перед императором свою речь «О царстве», в которой анализирует состояние Римской империи и предлагает меры для изменения создавшегося положения. Главную опасность Синесий видел не только и не столько в проникновении «варваров» на римскую территорию, сколько в возможности присоединения рабов к «варварам» и их общего натиска на Рим. «...Теперь,— говорит Синесий,— дело идет не о начатом только двумя человеками, преувеличенными всеми богами, возмущении, но об образцово вооруженных, из того же самого племени, из какого наши рабы, кровожадных ордах, принятых, к нашему несчастью, в империю, имеющих своих вождей, которым дарованы высочайшие должности между их соотечественниками и между нашими. Какая ошибка наша! Кроме солдат, находящихся под их начальством, эти полководцы несомненно пожелают видеть присоединенными к их рядам наших самых смелых и самых дерзких рабов, готовых совершить все роды злодеяний, чтобы только насладиться свободой»⁴.

¹ Amm. Marc., XVI, 5, 16; XVI, 12, 31; XVII, 12, 2.

² Ibid., XVI, 3, 3; XVI, 12, 31.

³ Prudent., Contra Symm., II, 808—819.

⁴ Synes. De regno, 15.

Таким образом, наиболее прозорливые представители господствующего класса, как Аммиан Марцеллин и Синесий, понимали то опасное положение, в котором оказалось Римское государство в конце IV — начале V в. Взгляды всех писателей этого периода оформлялись под мощным воздействием революционных движений того времени. Особенно крупными в этот период были движения багаудов в Галлии и циркумцеллионов в Африке.

Синесий требует отстранить «варваров» от гражданской и военной службы силой римского оружия, изгнать их из пределов империи, или заставить мирно обрабатывать землю¹. Синесий составил также проект преобразования Римского государства. В чем же заключается идеал политического устройства по Синесию? В основе политического строя, по его мнению, должна лежать философия. В построении идеального государства он не оригинален и не самостоятелен и находился под влиянием Платона. В его идеальном государстве, так же как у Платона, только философы могут быть хорошими правителями и политиками.

Таким образом, пренебрежительно и резко враждебно относясь к «варварам», боясь народных волнений, господствующие слои искали выход из создавшихся затруднений, полагаясь на свои собственные силы, и опять обращали свои взоры на Рим, Римское государство, как на единственную надежду спасения. Имущие слои населения боялись в это время не только вторжений и грабежей «варваров», но еще больше они опасались, как уже было сказано, объединения «варваров» и рабов, их общего натиска. Антиварварское настроение открыто проявилось на Западе в 408 г., когда был убит фактический правитель Западной Римской империи — вандал Стилихон и перебита значительная часть «варварского» населения в Италии. Пропаганда антиварварских идей накануне вторжения Алариха в Рим преследовала важную цель — отвлечь народные массы от революционной борьбы, направить их энергию против «варваров» и тем самым предотвратить объединение нападающих племен с народными низами внутри государства.

Но в то же время с особой силой оживают эсхатологические настроения среди римлян. Опасность, угрожавшая римскому государству, с одной стороны, заставила многих представителей господствующего класса обратить свои взоры на Рим и в идее вечности древнего города искать спасения от бедствий; с другой стороны, опасность повергла в ужас и отчаяние множество людей, потерявших под влиянием грозных событий уверенность в лучшем будущем.

В произведениях христианских авторов — Амвросия Медиоланского и Иеронима подобные настроения оставили глубокий след. Амвросий Медиоланский, происходивший из знатной сенаторской семьи, получил блестящее образование в Риме; будущий епископ готовил себя вначале к светской служебной карьере. Став епископом Медиоланским, Амвросий оказался не только в курсе всех событий, происходящих в западной части Римской империи, но смог оказать на них влияние, став доверенным лицом императоров. Амвросий не был философом, теоретиком религиозной мысли своего времени. Он просто воспринял те идеи и представления, которые имели в его время всеобщее распространение среди христиан.

Иероним был, очевидно, также из состоятельной семьи. В произведениях Амвросия Медиоланского и Иеронима отразились эсхатологические представления, связывающие гибель Рима и Римского государства с концом мира. Бедствия конца IV — начала V в. особенно обострили эти настроения. Во всех хилиастических высказываниях Иринея, Ипполита,

¹ Synes. De regno 21.

Киприана, Лактанция и других, более ранних христианских авторов главная опасность для римского государства обычно усматривалась с Востока, что вполне соответствовало положению Рима во II и III вв. н. э., вынужденного оберегать, главным образом, свои восточные границы. Амвросий и Иероним, наблюдая катастрофическое внешнеполитическое положение Римской империи к концу IV — началу V в., приходят к мысли о том, что главная опасность Риму грозит не с Востока, а с Запада, со стороны германских племен. Амвросию совершенно ясно, что готам бог предназначил положить конец империи, а вместе с тем и конец мира; именно в лице готов он видит предсказанных пророком Иезекиилем Гога и Магога¹. Иероним, наблюдая вторжения «варваров» в пределы западной части Римской империи, также приходит к мысли о наступающей гибели Рима, а вместе с ним и мира. Подобное настроение Иеронима выражено в письме к Илиодору: «Двадцать и даже большее количество лет между Константинополем и Альпами ежедневно льется римская кровь. Повсюду ужас, повсюду смятение и множество смертей. Рим гибнет...»². Еще ярче данное настроение отражено в письме от 409 г. ко вдове Агерухии. Описывая «варварские» вторжения накануне 410 г. и сравнивая их с предыдущими войнами, Иероним приходит к пессимистическому выводу о том, что все идет к быстрой развязке, к концу, так как гибнет могущество Рима. «*Quid salvum est si Roma perit?*» — заключает автор словами Вергилия³. Эсхатологические настроения в конце IV — начале V в. под влиянием «варварских» вторжений настолько усилились, что среди христиан возникло представление о том, что все сроки наступления конца мира приблизились, и это событие произойдет в самое ближайшее время. Для Амвросия конец мира уже наступает. Амвросий считает себя и своих современников живущими на закате мира, он убежден в том, что людей его поколения конец мира застанет еще живыми (*mundi finis invenit*)⁴. Об этом, по его мнению, свидетельствуют нападения готов на границы империи. К этим же соображениям приводят его и вызванные войной голод, моровая язва на скот и людей⁵. Нападения варваров означают для него гибель всей вселенной, конец мира (*excidium totius orbis terrarum, mundi finis*)⁶. Таковы были настроения среди имущих слоев римского населения накануне вторжения Алариха в Рим.

В 410 г. готы под предводительством Алариха вторглись в Рим и подвергли «вечный город» разорению и опустошению. Со времени Бренна, в течение нескольких столетий Рим ни разу не подвергался вторжению и разграблению со стороны «варваров», и римляне привыкли верить в вечность древнего города. По представлению современников после Римского государства не должно быть других земных царств, не должно существовать других империй. Одни полагали, что Рим никогда не погибнет; другие верили в то, что после падения древнего города наступит конец мира. Не понимая истинных причин происходящих событий, не отдавая себе отчета в грозных симптомах социально-экономического порядка, современники событий сосредоточили все свое внимание на политических событиях, главным образом на «варварских» вторжениях. Эти события всегда находились в центре внимания всех античных историков и писателей. Однако в данном случае авторы конца IV — начала V в.,

¹ Ambros. De fide, II, XVI, 137.

² Hieron. Epist. 60.

³ Ibid., 123.

⁴ Ambros. Expos. evang. sec. Luc., X, 10.

⁵ Ibid.: in occasu saeculi sumus.

⁶ Ambros. De excessu fratris sui Satyri, I, 30.

считая событие 410 г. одним из важнейших в римской истории, были правы.

Громадную роль событие 410 г. сыграло в идеологической сфере; старые идеи и теории о судьбах Рима не могли уже удовлетворить современников. Идея вечности Рима была поставлена под сомнение. Вера в наступление конца мира после падения Рима также не выдерживала больше критики, так как город пал, а конец мира не наступил. Необходимо было искать выход из создавшегося положения, искать пути в будущее, создать идеи и теории, отвечающие на вопрос о дальнейших судьбах Римского государства. После вторжения Алариха в Рим возникла обширная публицистическая литература, часть которой дошла до наших дней. Многие современники не могли ответить на вопрос «что будет дальше?» и искали объяснение события 410 г. в сверхъестественном.

Одни полагали, что христианский бог наказал нечестивых язычников; другие считали, что языческие боги были недовольны распространением христианства и обрушили свой гнев на Рим. Повидимому, Зосим потому обрывает свое повествование на вторжении Алариха в Рим, что считает историю Рима закончившейся. Ему было тяжело описывать бедствия, которые привели Рим к окончательному падению. Автор не нашел в себе сил продолжать историю Рима после 410 г. Очевидно, будущее для него не существовало. Все рушилось вместе с гибелью Рима.

В смятении и растерянности находился в это время такой писатель, как Иероним. С отчаянием и безнадежностью сообщает он о падении Рима: «Срывается голос и рыдание мешает словам диктующего. Покорен город, который покорил всю вселенную»¹. «Дух мой до того потрясен опустошением западных провинций и всего более города Рима, что, говоря послословицей, я забыл свое имя от горя и долго я молчал, зная, что пришло время слез»². Иероним уверен в том, что падение «вечного города» поведет за собой гибель мира и конец земного существования людей. «Погас светоч мира и с падением одного города погибло все человечество» (*in ipa urbe totus orbis interiiit*)³, — восклицает автор. Будущего на земле для людей после гибели Рима не существует⁴ и совсем близко время приближения Антихриста⁵. Таким образом, Иероним после падения Рима живет в напряженном ожидании гибели мира. Такие же настроения заметны в поэме «*Conjugis ad uxorem*» и в песне «*De providentia divina*» неизвестных авторов. В поэме «*Conjugis ad uxorem*», в которой описаны грабежи и убийства, чинимые «варварами», ясно выражена мысль о том, что мир не сможет продолжать свое существование, и люди сейчас наблюдают конец человеческой земной жизни. Автор поэмы «*De providentia divina*», современник варварских вторжений в Галлию в начале V в. и находясь сам в плену у «варваров», приходит к выводу, что настали последние времена. Гесихий в письме к Августину указывает, что уже множество знамений предвещает скорое наступление конца мира, и что все с нетерпением ждут пришествия Христа. Автор просит Августина определить точно день и час конца мира, который, по его мнению, должен наступить со дня на день⁶. Августина засыпали письмами, в которых люди требовали разъяснения ряда вопросов, связанных с приближением конца мира. Можно ли будет увидеть бога глазами?⁷. Каким образом душа освободится от тела

¹ Hieron. Epist. 127, 12.

² Ibid., 126, 2.

³ Hieron. Comment. in Ezech. proph. I.

⁴ Hieron. Epist. 128.

⁵ Ibid., Epist. 123.

⁶ August. Epist. 198.

⁷ Ibid., 92, 161.

и какова ее судьба? ¹. В какой части вселенной будет вечный огонь? ² Искушится ли море от огня? ³ Что будет с людьми, когда наступит конец мира и Христос застанет их здесь живыми? Умрут ли они или вовсе не умрут никогда? ⁴ Каким образом «добрые» на том свете будут зреть казни «злых»? ⁵ Непонятно многим такое явление, как вечное горение тел грешников: ведь «нет такого тела, которое могло бы страдать и не умереть» ⁶. Будут ли на том свете болезни? ⁷ В каком виде воскреснут сухощавые, тучные, калеки? Воскреснут ли недоноски? ⁸. В каком виде воскреснут младенцы? ⁹ Какого роста будут святые на том свете, выше или ниже или одинакового роста с Христом? ¹⁰. Смущает многих вопрос относительно волос и ногтей у святых на том свете: если от тела не должно ничего погибнуть, то, следовательно, по воскресении волосы и ногти, столько раз стриженные, будут возвращены на свои места и своей необычайной длиной обезобразят святых ¹¹. Исчезнет или сохранится пол на том свете? ¹². В чью плоть возвратится то мясо, которым питается человек, съедающий под влиянием голода человеческое же мясо? ¹³ и т. п.

Таким образом, непосредственно после событий 410 г. среди имущих слоев римского населения царили бесперспективность и отчаяние. Люди либо вообще не могли разобраться в грядущих событиях, либо жили в ожидании скорого наступления конца мира. Но жизнь продолжала идти своим чередом, конец мира не наступал, город Рим стоял попрежнему на своем месте. Вновь оживает надежда на возрождение Рима и Римского государства. Шесть лет спустя после разграбления Рима Аларихом появилась поэма Рутилия Наматианского «О своем возвращении» (*De reditu suo*). Рутилий, галл по происхождению, принадлежал к богатой сенаторской семье. Он всем своим сердцем ненавидел «варваров». У поэта еще свежи впечатления от вторжения «варваров» в Италию. Рутилий возвращается морем из Рима в свои галльские поместья и описывает разоренные готами места. Автор выражает уверенность в том, что Рим вновь воспрянет, покорит готов и заставит их платить дань римскому народу. Миновавшие бедствия никоим образом не разрушили Рим.

Царствам другим что вредит, то тебя новых сил исполняет,
а возвышаться в беде, значит воскреснуть совсем» ¹⁴.

(Перевод данной поэмы на русский язык сделан Базинером — «ЖМНП», 1895, август — сентябрь). По мнению автора, не может погибнуть город, который

«дал отчизну одну столь различным народам; полезно
было под иго твое им против воли попасть» ¹⁵.

¹ August. Epist. 162.

² August. De civitate dei (ниже всюду De civ. dei), XX, 16.

³ Ibid.

⁴ Ibid., XX, 20.

⁵ Ibid., XX, 22.

⁶ Ibid., XXI, 3.

⁷ Ibid., XXI, 1.

⁸ Ibid., XXII, 13.

⁹ Ibid., XXII, 14.

¹⁰ Ibid., XXII, 16.

¹¹ Ibid., XX, 19.

¹² Ibid., XXII, 17.

¹³ Ibid., XXII, 12, 20.

¹⁴ Rut. Nam., I, 139—140.

¹⁵ Ibid., 63—64.

Поэт называет Рим *genetrix hominum*, так как он объединил под своей властью людей всего мира. Автор явно оправдывает захватническую политику Рима и идеализирует созданное Римом «единство» народов:

«Обнял и ты целый мир, покоренный единством законов,
в общем союзе живут люди под волей твоей.
Все уголки государства тебя прославляют как бога,
шею свободно неся под миротворным ярмом»¹

Хотя Рим и стар, но будет жить вечно:

«Рим, подними на челе свои лавры и старость стряхнувши
с юной главою явись в блеске священных кудрей

.....
Жизни грядущей твоей нет пределов, пока неизменно
эта земля простоит с небом мерцающих звезд»².

Рутилий Наматианский цепляется за старые идеалы. Его страшит мысль о гибели Рима и римского государства, в результате чего Галлия могла бы оказаться брошенной на произвол судьбы. Автор поэмы в тщетной надежде обращается к быстро таявшему в это время единству Римского государства, не находя другого выхода из положения. Презрительно и враждебно относясь к «варварам», Рутилий Наматианский надеется на их разгром и восстановление мощи Рима собственными внутренними силами. Однако никаких мероприятий для укрепления Римского государства автор не предлагает, надеясь на то, что если Рим смог перенести величайшее потрясение 410 г., то его мощь непоколебима и город будет существовать вечно.

В 415 г. вышли первые пять книг трактата Августина «*De civitate dei*». Это произведение было ответом на событие 410 г. Аврелий Августин происходил из состоятельной семьи. Он родился в городе Тагасте в Нумидии (Северная Африка), впоследствии стал епископом в африканском городе Гиппоне. Не случайно то обстоятельство, что вопрос о Риме, Римском государстве, о его настоящих и грядущих судьбах занимает в произведениях Августина, в частности в трактате «*De civitate dei*», одно из главных мест. Всюду, где автор касается вопросов, связанных с земным градом, имеется в виду Римское государство. Августин не мог обойти молчанием самый животрепещущий вопрос современности и в его трактатке обнаруживает свои политические взгляды, симпатии и антипатии. Вряд ли могут быть сомнения в том, что Августин был очень хорошо осведомлен о разграблении Рима Аларихом. Как видно из переписки, он располагает подробными и многочисленными письменными сведениями, а также устными рассказами очевидцев событий. Жители Рима, спасаясь от варваров, буквально наводнили Африку³. В 409 г. в письме к испанскому пресвитеру Викторину Августин пишет по поводу «варварских» вторжений: «Письмо твое наполнило мое сердце глубоким горем: ты просил, чтобы я ответил на него пространном письмом, но на такие бедствия следует отвечать не пространными письмами, а бесконечными рыданиями и слезами». Весть же о вторжении «варваров» в Рим наполнила сердце Августина ужасом⁴.

Но справившись от первого тяжелого впечатления, он не впадает в пессимизм. Ни о какой гибели Римской империи не может быть и речи.

¹ Ru t. N a m., 77—81.

² Ibid., 115—116; 137—138.

³ De civ. dei, I, 32.

⁴ A u g u s t Sermo de urbis excidio, II.

«Римское государство,— говорит Августин,— скорее расстроено, чем разрушено: подобное случалось с ним и в прошлые времена, до христианства, и оно от такого расстройтва оправлялось. Не следует отчаиваться в этом и теперь»¹. В лице Радагайса, а затем Алариха бог послал на римлян снисходительное, мягкое, милосердное наказание, хотя они и заслуживали более тяжелого наказания². никоим образом нельзя рассматривать событие 410 г. как гибель Рима, как наступление последних времен и приближение конца мира.

В ответном письме Гесихию, которое Августин назвал «*De fine saeculi*», автор советует не задавать ни себе, ни кому-либо другому вопросов о конце мира. Августин всячески стремится отвлечь современников от мысли о последних днях человеческой жизни. Знамения на солнце и земле никоим образом не свидетельствуют о наступлении конца мира и скором пришествии Христа. А что касается опустошительных войн и разграбления Рима Аларихом, то всегда так было, что через различные интервалы времени войны опустошали землю³. Августин указывает на то, что никому из людей на земле не дано знать, когда наступит конец мира. Он многократно повторяет фразу об этом: «*non est vestrum scire temporum, quae pater posuit in sua potestate*». Августин, таким образом, отодвигает наступление конца мира в далекое будущее. Он убежден в том, что Римское государство снова оправится и обретет свою былую мощь.

Чтобы правильно понять причины такого отношения Августина к событиям 410 г., необходимо учитывать не только то обстоятельство, что он был ярким противником «варваров» и обращался, как и Рутилий Наматианский, к внутренним силам Римского государства; необходимо иметь в виду, что Августин жил и действовал во второй период подъема движения циркумцеллионов. На прёмере Августина мы особенно четко видим, как революционные движения рабов и колонов воздействовали на формирование политических взглядов идеологов господствующего класса.

В Римской Африке в IV—V вв. развернулось мощное революционное движение низших слоев населения, направленное против крупных землевладельцев, чиновничества и духовенства, поддерживавшего империю. Восставшие называли себя агонистиками (борцами за истинную веру); противники агонистиков, католические епископы, называют их циркумцеллионами (т. е. бродящими вокруг деревенских хижин). Идеологически повстанцы были связаны с донатизмом. Донатисты отстаивали независимость церкви от государства, оправдывали сепаратистские тенденции различных групп населения, тяготевшихся гнетом позднеримского правительства. Агонистики составляли левое крыло донатистского движения.

Роль Августина в ослаблении донатистского движения, в борьбе с агонистиками трудно преувеличить. Не случайно то обстоятельство, что свой трактат «*De civitate dei*» Августин посвятил преследователю и палачу донатистов, брату проконсула Африки — Флавию Марцеллину. Борьбе с донатистами и циркумцеллионами епископ придавал не меньшее значение, чем борьбе с «варварами». «В самой нашей Гиппонской области,— сообщает Августин в 409 г. в упомянутом уже письме к Викторину,— которой варвары еще не коснулись, грабительства донатистского духовенства и циркумцеллионов так опустошают церкви, что злодеяния самих варваров, может быть, не столь жестоки». С ненавистью Августин говорит о том, что «дерзкие мужики восстали против своих владельцев»⁴.

¹ De civ. dei, IV, 7.

² De civ. dei, V, 23.

³ August. Epist. 199, 35.

⁴ August. Epist. 108, 6, 18.

Ослабление Рима и Западной Римской империи влекло за собой усиление и новый подъем народных волнений в Африке. Августин боится ослабления Рима, опасается «варваров», испытывает страх перед народными движениями. Он надеется с помощью Рима подавить циркумцелионов, дать отпор «варварам» и укрепить существовавший в Африке порядок. Все усилия Августина направляет не на изменение или ликвидацию существующего социального строя, а на его укрепление, стабилизацию. Епископ «доказывает», что рабство является неизбежным явлением, естественным законом, который не должно преступать. По мнению Августина, «состояние раба по праву назначено грешнику... грех — первая причина рабства, по которому человек подчиняется человеку в силу своего состояния; и это бывает не иначе, как по суду божию...»¹. Раз существуют люди, существует и грех среди них, а если существует грех — неизбежно и законно существование рабства. «В порядке вещей, — утверждает Августин, — что одни люди подчинены другим, так как уничтожение приносит пользу служащим... Присужденное в наказание рабство определяется в силу того же закона, который повелевает сохранять порядок естественный и запрещает его нарушать»². Августин стремится к утверждению власти господ над рабами, требуя от последних беспрекословного повиновения и утверждая, что, рабство для многих полезно³. Автор, софистически выпутываясь из положения, утверждает, что «лучше быть рабом у человека, чем у похоти, а если рабы не могут получить от господ своих свободы, они сами должны сделать некоторым образом свое служение свободным, служа не из притворного страха, а по искреннему расположению»⁴. Рабство, по Августину, вечная категория на земле. Оно кончится лишь с наступлением конца мира, с окончанием земного существования человечества.

Теоретически Августин отодвигает земной град на второй план, переносит центр тяжести на «*civitas dei*», утверждает, что у римлян не было истинного государства и «варварам» нечего было разрушать. Практически он отстаивает Рим и Римское государство, доказывая правомерность и необходимость его существования. Рим и Римское государство даже в языческие времена, по мнению Августина, пользовалось особой милостью бога, которому было угодно посредством Рима «покорить весь мир и умиротворить его надолго и повсюду, соединив его в общество под одной государственной властью и законами»⁵. Епископ ставит римлянам в заслугу создание обширного государства. Римская империя из всех существовавших доселе царств пользуется особым благорасположением бога, который всегда и всячески содействовал римлянам⁶ и помогал им в том, чтобы Римское государство стало славным, могущественным, великим и долго существующим⁷. «Богу угодно было, — говорит Августин, — чтобы появилось и царство западное (Римское), которое по времени было позднейшее, но по обширности власти и по величине еще более знаменитое»⁸. Августин гордится великим прошлым Рима, которое было даровано богом римлянам за их сходные с христианскими добродетели⁹. Но что же собой представляют те нравственные доблести, за которые бог

¹ De civ. dei, XIX, 15.

² Ibid.

³ Ibid., 21.

⁴ Ibid., 15.

⁵ De civ. dei, XVIII, 22.

⁶ De civ. dei, I, 36; V, 19.

⁷ De civ. dei, V, praef., 1, 19

⁸ Ibid., 13.

⁹ Ibid., 18.

ниспослал им столь небывалый успех и владычество? Августин ставит в заслугу римлянам их страсть к господству, считая ее важнейшей добродетелью, так как для них это был единственный путь к бессмертию: «Положение подчиненное казалось им бесславленным, положение же господствующее и повелевающее — славным, самую отчизну свою они желали прежде всего видеть всячески свободной, а затем господствующей... Итак, римляне совершили много великого сперва из любви к свободе, а потом из любви к господству..»¹. Бог, по мнению Августина, вознаградил римлян за их доблести, предоставив им возможность создать превосходнейшее государство².

Августин открыто восхваляет захватническую римскую политику. Епископ уверен в том, что Риму предоставлена власть «для обуздания тяжелых злодеяний множества народов»³. По его мнению, завоевания и власть римлян над другими народами принесли побежденным только пользу: «Не все ли равно для смертных, — заявляет Августин, — жизнь которых исчисляется днями, под чьей властью жить, лишь бы властители не принуждали их поступать нечестиво и несправедливо?»⁴.

Апология политики римского господства и подчинения других народов приводит Августина к оправданию всех войн, которые велись Римом. По мнению Августина, римляне единственный справедливый народ и они могли вести войны только по необходимости и только справедливые, чтобы не допустить к власти несправедливые народы. «Несомненно, — утверждает Августин, — что возрастанью государства способствовала несправедливость тех, с которыми велись справедливые войны... вести войны и путем покорения народов расширять государство представляется делом хорошим для дурных людей, но для добрых — это только дело необходимости. Может быть, это названо и делом хорошим, но потому только, что было бы хуже, если бы люди более несправедливые господствовали над более справедливыми»⁵. Римляне, по мнению Августина, «могли создать столь великое государство, ведя войны только справедливые по причинам законным и серьезным»⁶.

Во времена Августина, когда Римское государство было потрясено до основания «варварскими» вторжениями и народными движениями, стремление к миру охватило имущие слои населения. Мир в понимании Августина — полное «согласие» всего населения, смирение поработанных и угнетенных, прекращение борьбы народных масс за улучшение своего положения, разгром «варваров».

Римское государство — земной град — устраивает на земле относительный порядок, стремится к миру, сдерживает противоречия между обездоленными массами народа и власть имущими. На этом основании Августин провозглашает неприкосновенность установлений земного града⁷ и требует повиновения ему. При этом епископ обязывает граждан повиноваться не только хорошо устроенному государству, но и самому распущенному и развращенному⁸. Концепция Августина сложилась, несомненно, под влиянием борьбы против циркумцеллионов. С помощью римского правительства епископ Гиппона надеялся уничтожить широкое народное движение и укрепить существовавший в Африке порядок. Не случаен

¹ De civ. dei, V, 12.

² Ibid, 15

³ Ibid, 13

⁴ Ibid, 17

⁵ De civ dei, IV, 15

⁶ Ibid

⁷ De civ dei, XIX, 17

⁸ De civ dei, II, 19, V, 19 («res publica pessima ac flagitiosissima»)

тот факт, что Августин обосновывает естественное, моральное и божественное право государства, имея в виду Римскую империю.

Естественно и в порядке вещей (*vox naturae*) право господства победившего земного царства и естественна судьба побежденного народа; «...не без промысла божия, во власти которого содержится, чтобы каждый посредством войны или покорился сам или покорял других, одни обладали царствами, а другие подчинялись царствующим»¹. Таким образом, Августин обосновывает естественное право господства одних государств и подчинения других, более слабых, освещая это положение божественным авторитетом и промыслом.

Государство обладает также моральным правом. Глава семьи, хозяин дома не только может, но обязан держать семью в повиновении и наказывать ее членов для большего порядка в доме². «Заповеди «не убий» отнюдь не преступают те, которые ведут войны по полномочию от бога, или, будучи в силу его законов, т. е. в силу самого разумного и правосудного распоряжения, представителями общественной власти, наказывают злодеев смертью»³. Таким образом, государство должно и может расправляться с народными движениями и охранять интересы господствующих классов. По мнению епископа, залогом устойчивости и могущества Рима являются правление императора-христианина и следование законам христианской веры. Император-христианин, управляя государством при содействии бога, может создать крепкое могущественное царство, и нет ничего счастливее для человечества, как если по милосердию божию такой император получит власть⁴. Истинно благочестивые императоры, как, например, Константин и Феодосий, получили в награду от бога такие земные дары, о каких никто не осмелился мечтать⁵. В одном из писем Августин прямо указывает на то, что христианская религия и ее исповедание необходимы далеко не только для достижения блаженной загробной жизни. Она необходима и для получения земных благ. «Пусть осмелятся говорить о нем (о христианском учении.— *Н. Г.*), что оно враждебно государству. Христианское учение в высшей степени содействует его благосостоянию. Оно делает своих последователей самыми честными исполнителями государственных обязанностей»⁶. Таким образом, Августин, оправдывая рабство и захватническую римскую политику, отрицательно относясь к «варварам» и народным волнениям, ищет спасения для Римского государства в христианской религии.

Теоретически Августин стремился сосредоточить внимание современников на *civitas dei*, но практически все помыслы епископа направлены на укрепление земного града, Римской империи, с помощью внутренних сил. За пределами Римского государства, по представлениям Августина,— пустота. С гибелью Рима кончается человеческая жизнь на земле. Таким образом, Августин в своих представлениях о будущих судьбах Рима не вышел за рамки античного мирозерцания и римской государственности. Подобно Симмаху, Синесию и Рутилию Наматианскому он надеется на возрождение Римского государства без посторонней помощи. Оптимизм и уверенность в лучшем будущем на земле присущи Августину во всей полноте.

¹ De civ. dei, XVIII, 2.

² De civ. dei, XIX, 16.

³ De civ. dei, I, 21.

⁴ De civ. dei, V, 19.

⁵ Ibid., 25.

⁶ August Epist 138.

И Синесий и Августин прекрасно понимали, что империя находилась в тяжелом состоянии. Главную опасность они усматривали со стороны «варваров» и народных движений. Но никаких коренных реформ социального порядка они не предлагали. Синесий возлагал свои надежды на императора-философа, считая возможным оздоровить Римское государство на основании принципов неоплатонической философии. Августин, в свою очередь, выражал уверенность в том, что правление императора-христианина и следование догматам христианской религии смогут обновить Рим и Римскую империю.

Симмах, Синесий, Рутилий Наматианский, Августин и другие выше-названные авторы оказались беспомощны в решении вопросов, связанных с судьбами Римского государства. В сохранении и стабилизации старых порядков они видели залог успеха в будущем. За пределами Рима, Римской империи для них ничего не существовало. Возможности восстановить силы Рима они ищут внутри государства, в его прошлом; они резко отрицательно относятся к «варварам».

Однако уже во времена Рутилия Наматианского и Августина находились авторы, которые совершенно иначе трактовали катастрофу 410 г. Если Августин доказывает, что разграбление Рима Аларихом не знаменует собой наступления конца мира, то Орозий идет еще дальше. Младший современник и ученик Августина, испанец по происхождению, Орозий написал в 417 г. обширный труд «*Historia adversus paganos*». Он посвящает целые страницы описанию гуманного, мягкого поведения готов в Риме. Автор явно сочувствует «варварам» и не считает их вторжение великим бедствием для Рима. Орозий выражает уверенность в том, что происходящие события являются зарей более счастливых времен¹.

По мнению Орозия, «варвары» жадно тянутся к культуре и после времен насилий смягчились². Их образ жизни изменился: из грабителей они сделали земледельцами. «Бургунды... жили с галлами не как с покоренными, а как с братьями...»³. Автор убежден в том, что вторжения «варваров» обновили древний мир и принесли Риму только пользу.

После того как испуг перед «варварами» прошел, имущие слои населения все больше склоняются к союзу с «варварскими» вождями, надеясь с их помощью разгромить народные движения и ценой потери политической самостоятельности спасти свое имущество. Такие настроения впервые выражены в произведении Орозия, который находит выход из затруднений, обращаясь не к прошлому Рима и не к *civitas dei*, а к «варварам». Орозий, таким образом, первый порывает с римскими античными представлениями о судьбах Рима и обновление Римского государства возлагает не на внутренние, а на внешние силы.

Аполлинарий Сидоний и Сальвиан, жившие позже Орозия, разделяют взгляды последнего. Аполлинарий Сидоний, принадлежавший к числу наследственных крупных землевладельцев Римской Галлии середины V в., хотя и презирал «варваров», называя их «вонючими дикарями», и выступал в защиту города Клермона от готов, однако в конце концов капитулировал перед королем вестготов Эйрихом. В письме к Лампридию⁴ Аполлинарий явно раболепствует и заискивает перед Эйрихом. Он пишет о том, что вся вселенная была покорена Эйрихом, все варвары — саксы, франки, бургунды и другие — просят у короля помощи и римляне также протягивают руку за помощью.

¹ Oros., V, praef.

² Oros., VII, 40—41.

³ Ibid., 32.

⁴ Sid. Epist. VIII, 9.

Интересно отметить тот факт, что Сидоний ни словом не упоминает ни в одном произведении о событиях 476 г., когда был низложен последний римский император. Очевидно, это событие современниками было не замечено; к господству «варваров» уже привыкли и никто не придавал серьезного значения перевороту 476 г.

Событие же 410 г., по мнению Аполлинария Сидония, было решающим в судьбах Рима. В панегирике, посвященном императору Майорину, Сидоний рисует образ «Африки», которая обращается к Риму со следующими словами: «О, заснувшая доблесть Лациума, он (варвар) хвалится тем, что коварством захватил твои стены. Ты не хватаешься за копье! Уже однажды плененный, ты не жалеешь обо мне. А все думали, что твоя звезда снова высоко поднялась после несчастий, что ты выше упадка».

Автор выражает здесь настроение многих римлян, которые надеялись на то, что Рим после 410 г. вновь обретет свое могущество; однако эти надежды потерпели крах. Аполлинарию Сидонию совершенно ясно, что будущее принадлежит «варварам», хотя он лично вряд ли относился положительно к этой перспективе.

Наиболее четко мысль о гибели Римского государства и о том, что «варварам» принадлежит будущее, выражена в произведении Сальвиана «De gubernatione dei». Сальвиан, происходивший из знатной галльской семьи, был в середине V в. священником в Марселе; он убежден в том, что Римское государство испускает последнее дыхание (*Romana res publica vel jam mortua vel certe extremum spiritum agens*)¹. Но Сальвиан говорит об этом не как о конце мира вообще. По его мнению, наступает обновление мира, новые народы заменят древние, изжившие себя². Божественный промысел не связан с каким-либо отдельным народом и не терпит ущерба от гибели отдельных народов и государств³. Противопоставляя римлян «варварам», Сальвиан бичует пороки римского общества, особенно обрушиваясь на фискальную систему. «Варвары», по мнению автора, обладают многими положительными качествами, которых нет у римлян. «Вот почему они с каждым днем усиливаются, тогда как мы все падаем: они выигрывают, а мы теряем, они процветают, а мы увядаем»⁴.

Таким образом, до события 410 г. имущие слои населения Римского государства в обстановке народных волнений и варварских вторжений искали спасения в идее вечности Рима, надеясь укрепить империю с помощью внутренних сил или путем восстановления языческого культа (Симмах), или с помощью неоплатонической философии (Синесий), или возлагая надежды на выдающиеся личные качества отдельного полководца (Клавдиан).

Большое распространение получила и мысль о близкой гибели Рима, а вместе с ним и всего мира. Реакционный характер подобных идей не подлежит сомнению. Пропагандируя идею вечности и несокрушимости Рима, Римского государства, господствующие слои стремились препятствовать формированию революционного сознания масс. Они доказывали, что не в силах народа изменить существующий общественный строй. Другая идея, идея скорого наступления конца мира, еще больше отравляла сознание масс, имела целью отвлечь их от земных событий, от революционной борьбы. Проповедь божественного управления миром и ничтожной роли человека на земле имела своей целью укрепить существующий порядок вещей — угнетение и порабощение.

¹ S a l v. De gub. dei, VI, 6.

² De gub. dei, V, 3; VII, 6.

³ De gub. dei, IV, 1.

⁴ De gub. dei, VII, 11.

Эти идеи не просто реакционны: они отражают кризис сознания гибнущего класса; они свидетельствуют о беспомощности господствующих классов, не имевших, а потому и не нашедших выхода из затруднительного положения.

Между тем в предыдущие периоды античной истории писатели и мыслители лучше разбирались в социально-политической обстановке, правильнее ее понимали и намечали более серьезные программы государственных преобразований, чем деятели конца IV — начала V в. Так, например, ответы Аристотеля в конце IV в. до н. э. в Греции, Цицерона в период гибели Римской республики (I в. до н. э.), Тацита в эпоху ранней империи в Риме (I—II вв. н. э.) на вопросы, выдвигавшиеся политической обстановкой, ближе к истине, чем ответы Симмаха, Синесия, Амвросия, а затем Августина.

После разграбления Рима Аларихом продолжают иметь хождение старые идеи о вечности Рима (Рутилий Наматианский), с одной стороны, и гибели мира вместе с Римом (Иероним) — с другой. Августин выражает надежду на укрепление основ Римского государства с помощью христианской религии и отодвигает конец мира в далекое будущее.

Вместе с тем, в связи с открытым хозяйничанием «варваров» в Италии и провинциях Западной Римской империи, наступившим после 410 г., имущие слои населения постепенно вступали в контакт с «варварской» знатью и стали совместно с ней подавлять народные волнения и грабить трудящиеся массы.

Орозий, а затем и Аполлинарий Сидоний и Сальвиан в решении вопроса о судьбах Римского государства выходят за рамки античного миро-созерцания, римской государственности. Они порывают со старыми вековыми представлениями о вечности Рима, за пределами существования которого был конец мира, конец земного существования людей, и обращают свои взоры на «варваров», которым в результате ослабления и гибели Римской империи принадлежит, по их мнению, будущее.

Таким образом, в конце IV — начале V вв. господствующий класс Римской империи, отнюдь не являясь передовым классом своего времени, не имел перед собой положительной программы, смотрел в прошлое, цеплялся за рабовладельческие отношения и старые рабовладельческие идеи и теории. Изменения в отношениях к варварам после 410 г., признание и оправдание «варварского» господства в литературе V в. вряд ли можно назвать прогрессивным явлением. Скорее наоборот. Это обстоятельство свидетельствует о деградации, полном моральном истощении господствующего класса. Ему не оставалось в это время ничего другого, как признать свое полное бессилие и капитулировать перед «варварами».